

Central Asia Program

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

CIDOB

BARCELONA
CENTRE FOR
INTERNATIONAL
AFFAIRS

Ирано-узбекские отношения в контексте современных геополитических перемен вокруг Центральной Азии

Д.п.н. Юлдашева Г.И.

Член Экспертного Совета, аналитический проект "Центральная Евразия"

главный пункты

- В случае позитивного урегулирования ирано-американского вопроса отношения Ташкента и Тегерана могут существенно консолидироваться путем вовлечения в новые крупномасштабные энергетические и иные проекты в Центральной Азии.
- Интересы ИРИ в ЦА требуют стабильности, взаимовыгодного сотрудничества и мира в зоне иранского культурно-исторического влияния, отсутствия антииранских настроений на его границах.
- Большое значение приобретает потенциальное участие Узбекистана в энергопроектах Центральной Азии через территорию Ирана к Персидскому заливу, что позволяет стабилизировать обстановку в Афганистане путем использования его транзитных возможностей.
- В настоящее время в Узбекистане действуют более 120 совместных ирано-узбекских компаний, 20 из которых созданы при стопроцентном участии иранского капитала. Наиболее приоритетными направлениями сотрудничества являются транспортные коммуникации, энергетика, текстильная промышленность и сельское хозяйство.
- Помимо экономической сферы Иран и Узбекистан продолжают активно сотрудничать в сфере безопасности: борьбе против наркоторговли и организованной преступности.

На протяжении последних двух десятилетий ирано-узбекские отношения постоянно находились в поле зрения международного сообщества как одна из внешнеполитических детерминант, определяющих тенденции развития современной Центральной Азии. Данный интерес усиливается в связи с ожиданием возможных перемен в ирано-американских отношениях и той ролью, которую косвенно способны сыграть в этих процессах динамика взаимоотношений Узбекистана с Исламской Республикой Иран (ИРИ).

роль Ирана в мусульманском мире, стать ему значительным противовесом США, ослабить международную изоляцию этого региона и реинтегрировать его вдоль общей ближневосточно-центральноазиатской исторической линии. Вместе с тем, интересы ИРИ в ЦА требуют стабильности, взаимовыгодного сотрудничества и мира в зоне иранского культурно-исторического влияния, отсутствия антииранских настроений на его границах.

Помимо экономической сферы Иран и Узбекистан продолжают активно сотрудничать в сфере безопасности: борьбе против наркоторговли и организованной преступности

В свою очередь, очевидно, что уровень отношений Узбекистана с ИРИ также во многом зависит от тех барьеров и препятствий, которые устанавливает текущая геополитическая среда в регионе Центральной Азии.

Общность интересов

Роль и значение Узбекистана во внешней политике Исламской Республики Иран определяется системой стратегических координат развития страны, пересмотренных в связи с распадом Советского Союза и сформулированных еще в 90-е годы прошлого столетия.

Так, суть современной внешней политики ИРИ заключается в формировании многополярного мироустройства под эгидой ООН, в котором Иран и другие исламские страны будут представлять один из полюсов силы. Особое значение при этом отводится Центральной Азии, которая рассматривается в Тегеране как фактическое продолжение жизненно важной зоны экономических интересов ИРИ, региона Персидского залива в целом¹. Активное сотрудничество со странами Центральной Азии позволит укрепить региональный статус, престиж и

В этом плане геостратегическое положение Узбекистана в «сердцевине» Центральной Азии, демографический фактор (плотность населения и наличие таджикской диаспоры), делает республику наиболее важным звеном в выполнении долгосрочных планов² постепенного внедрения Тегерана в регион. В данном ракурсе важно и то, что обе страны могут сыграть эффективную роль в использовании «гигантских источников цивилизации по обе стороны Аму-Дарьи»³.

В целом, Иран имеет следующие основополагающие интересы в регионе ЦА, которые находят понимание и поддержку в Узбекистане:

1. Обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии, что неразрывно связано с афганским фактором в силу географической, историко-культурной и этнической близости Афганистана к ИРИ и ЦА странам. Тегеран ориентирован на сохранение единого Афганистана, достижение мира и стабильности, создание афганского коалиционного правительства с равноправным участием в нем представителей всех этнических групп, конфессий и движений (при предоставлении шиитской

общине определенных свобод), что соответствует интересам Ташкента. Более того, в условиях активизации в регионе ЦА религиозного экстремизма и интенсивного роста производства наркотиков и наркоторговли проблема обеспечения региональной безопасности приобретает особую остроту для граничащего с Афганистаном Ташкента.

2. Укрепление регионального статуса через геоэкономический фактор. Иран заинтересован во вхождении стран

Барьеры на пути сотрудничества

Эффективному развитию двусторонних отношений препятствовал ряд объективных и субъективных факторов, таких как социально-экономические последствия распада СССР; различия в политическом устройстве – исламский режим в Иране и светские государства Центральной Азии; неспособность иранской экономики в настоящее время обес-

Параллельно Тегеран предпринимает меры для скорейшей реализации планируемого транспортного коридора Узбекистан–Туркменистан–Иран–Оман–Катар и прокладки ирано-пакистанского трубопровода

ЦА в региональные и международные экономические структуры со своим участием, что не противоречит интересам ЦА стран, так как обеспечивает их в потенциале выходом на мировые рынки.

3. Обеспечение роли Ирана в качестве «врат» в Центральную Азию и транзитного маршрута нефтегазовых трубопроводов и транспортных путей. Со своей стороны, Узбекистан может играть также важную роль в транзите, транспортно-коммуникационной сети и энергосистеме Центральной Азии. Республика является третьим крупнейшим производителем природного газа в СНГ и входит в первую десятку государств мира по его добыче⁴. Поэтому большое значение приобретает потенциальное участие Узбекистана в энергопроектах Центральной Азии через территорию Ирана к Персидскому заливу, что отвечает интересам экономической и политической безопасности региона, позволяет стабилизировать обстановку в Афганистане путем использования его транзитных возможностей, в чем Ташкент и Тегеран кровно заинтересованы.

печить страны ЦА высококачественными технологиями и крупными инвестициями; этнические и религиозные различия между суннитами и шиитами, персами и тюрками, которые представляют общность в одних случаях и основу для разногласий – в других. С этим был связан и ряд мнимых и реальных угроз, к числу которых можно отнести потенциальную угрозу религиозного экстремизма с территории Ирана, предполагаемое использование Тегераном лингвистического фактора в продвижении идеи союза персоязычных государств (Иран, Таджикистан и Афганистан). На глобальном уровне двусторонним отношениям препятствует в определенной степени антииранская стратегия США.

Так, потенциальная угроза экспорта иранского религиозного фундаментализма содействовала в начале 90-х годов поддержке Ташкентом антииранской стратегии США. В адрес Тегерана высказывались обвинения в том, что тот предоставлял боевикам узбекских экстремистов «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) убежище, а спецслужбы ИРИ якобы обучали боевиков ИДУ, снабжали их документами, оружием и взрывчаткой. Однако с приходом к власти президента М.Хатами

в восприятии Ташкентом Ирана постепенно происходят перемены, связанные с осторожной и гибкой тактикой Тегерана в отношении Центральной Азии и отсутствием фактов очевидного вовлечения Ирана в террористические акты на территории Узбекистана.

Что касается лингвистического фактора, не исключено, что в прошлом Тегеран, возможно, и рассчитывал посредством укрепления своего присутствия в Таджикистане расширить базу своего присутствия в

ти в двусторонних отношениях с Ираном ⁶. Даже сегодня таджикские эксперты признают неоднозначность ирано-таджикских отношений, в связи с чем «таджикские власти не спешат давать зеленый свет всем иранским инициативам».⁷ К тому же Душанбе сам является жертвой наркобизнеса и терроризма с территории Афганистана и нуждается в поддержке международного сообщества, о чем свидетельствует участие таджикских представителей, в том числе из числа Исламской Партии Возрождения Таджикистана, на

глубина и масштабы взаимоотношений Узбекистана с ИРИ также во многом зависят от тех барьеров и препятствий, которые устанавливает текущая геополитическая среда в регионе Центральной Азии

Центральной Азии и содействовать приходу к власти правительств с проиранской ориентацией. Однако между Ираном и Таджикистаном выявились существенные идеологические и культурные расхождения.

Так, д-р М.Месбахи ⁵ абсолютно верно отмечает ряд различий между традициями иранского шиизма и центральноазиатского суннизма, идеологией исламской революции Ирана и таджикским опытом ведения политической борьбы.

Можно добавить к этому также взаимозависимость таджиков с остальной частью населения Центральной Азии в плане общего советского историко-культурного, экономического и этнорелигиозного наследия (узбекский фактор), общей ментальности. Очевидно также, что с геополитической точки зрения, один политически и экономически слабый Таджикистан не способен играть значительную роль в иранской стратегии в Центральной Азии. Закономерно поэтому, что иранская ветвь ислама и наиболее радикальные ее проявления не только не смогли закрепиться в Таджикистане, но временами вызывали некоторую степень отчужденнос-

последних международных конференциях по Афганистану. Экономические интересы страны требуют координации действий в деле построения транспортных коридоров, в связи с чем еще в июне 2003 г. президенты Э.Рахмонов и И.Каримов подписали в Тегеране транспортные соглашения с Ираном и Афганистаном. Все сказанное едва ли способствует формированию какого-либо персоязычного объединения на территории Центральной Азии с участием Таджикистана, Ирана и Афганистана.

С другой стороны, препятствием на пути развития ирано-узбекских отношений являются в известной мере антииранские санкции, что сдерживает прокладку транспортных путей и телекоммуникаций, необходимых для реализации крупных проектов, ведения малого бизнеса и притока в Узбекистан иностранных инвестиций. В частности, в силу негативного воздействия на экономику Ирана и ЦА государств санкции существенно ограничивают темпы строительства наиболее экономичных и взаимовыгодных железных дорог, которые обеспечивают ЦА страны прямым доступом к портам Персидского Залива, Европы,

Турции, Индии и России. К подобным маршрутам, например, относятся трансафганский маршрут через Термез - Мазари-Шариф - Герат с последующим выходом на иранские коммуникационные системы к портам Бендер-Аббас и Чахбахар, восточная часть транспортного маршрута «Север-Юг» и планируемый через Иран и Пакистан коридор Бафк-Захедан, способный в потенциале связать страны ЦА с южноазиатскими рынками.

Отсутствие надлежащей региональной транспортной сети наряду с другими факторами ограничивает развитие ирано-узбекских отношений только развитием малого бизнеса и научно-культурных связей. Так, частично по этой причине торговля Узбекистана с Ираном повышается лишь незначительно: с импорта в 2155 млн. дол и экспорта в 2399 млн.дол. в 1990г. до 3136,9 млн. дол. импорта и 3264 млн.дол. экспорта в 2001г.⁸, а по итогам 2012 года узбекско-иранский товарооборот в целом составляет лишь \$350 млн.⁹

Партнерство и взаимодействие

Тем не менее, объективные интересы во взаимном сотрудничестве возобладают. Поэтому еще в ноябре 1992 г. Ташкент подписывает с Тегераном совместное заявление по экономическому, культурному, транспортно-коммуникационному сотрудничеству, подкрепленное позже рядом других договоров, заложивших фундамент для развития двусторонних отношений.

Постсентябрьские события 2001 г. продемонстрировали необходимость форсирования двусторонних отношений и принятия безотлагательных решений для Центральной Азии транспортно-коммуникационных проблем. В 2002 г. была достигнута договоренность о невмешательстве во внутренние и внешние дела друг друга, подчеркнута необходимость строить политику, исходя, прежде всего, из национальных интересов. Стимулом к консолидации двусторонних отношений стало и установление стратегического партнерства между Россией и Узбекистаном, что в

определенной мере отвечает интересам Тегерана, рассматривающего сотрудничество с РФ в качестве противовеса политике США в Центральной Азии. Не случайно иранские эксперты считают, что только при содействии Москвы Узбекистан может решить проблемы вооруженной агрессии на своих границах¹⁰. Важное значение имеют для двусторонних отношений также договор о создании Трансафганского коридора, подписанный летом 2003 г. в Тегеране с участием Афганистана.

Вместе с тем рост геополитической нестабильности в регионе ЦА, во многом связанный с продолжением ирано-американской конфронтации¹¹, приводит к усилению евразийского направления во внешней стратегии Узбекистана, что частично стимулирует его отношения с Тегераном. В частности, в 2004 г. Иран входит в число ведущих торговых партнеров Узбекистана после России – 6,0% (133,4%)¹², за девять месяцев 2005 г. является третьим среди шести ведущих торговых партнеров – 6,8 (125,6%)¹³.

О динамике взаимоотношений можно судить и по количеству подписанных договоров: если в январе 2005 г. подписано около 20, то к 2011г. уже более 30 межправительственных и межведомственных документов, определяющих основные принципы и направления развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений между Узбекистаном и Ираном. В частности, торгово-экономические связи между странами регулируются соглашениями «О торгово-экономическом сотрудничестве», «О взаимном поощрении и защите инвестиций», «Об избежании двойного налогообложения и обмене информацией относительно налогов на доход и капитал», а также рядом межправительственных меморандумов. В настоящее время в Узбекистане действуют более 120 совместных ирано-узбекских компаний, 20 из которых созданы при стопроцентном участии иранского капитала. Наиболее приоритетными направлениями сотрудничества являются транспортные коммуникации, энергетика, текстильная промышленность и сельское хозяйство.

Помимо экономической сферы Иран и Узбекистан продолжают активно сотрудничать в сфере безопасности: борьбе против наркоторговли¹⁴ и организованной преступности, участвуют в деятельности международных структур – Организации экономического сотрудничества (ОИК), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), всех региональных инициативах по Афганистану - например, в рамках группы «6+2», программы мира и конфликта «Дели Полиси Групп», Стамбульского саммита, диалога «Афганистан и Центральная Азия» и т.д.

Особенности текущей ситуации

В настоящее время развитие ирано-узбекских отношений во многом продолжает находиться под влиянием тех геополитических сдержек и противовесов, которые создает для региона ЦА эта межгосударственная конфронтация.

При этом в центре внимания находится ныне ситуация в Афганистане после вывода в 2014г. миротворческих сил из страны, что подстегнуло битву различных моделей геополитического развития региона ЦА (евразийская модель под эгидой России, американская модель «Новый Шелковый Путь», общеазиатская модель «Сердце Азии»). Очевидно, что осуществление каждого из этих политических проектов невозможно без активного участия в них Ирана, способного в значительной степени стимулировать или блокировать их продвижение в силу его особой близости к Центральной Азии, включая Афганистан с его значительной шиитской диаспорой.

С учетом данного факта, а также поддержки большинством стран экономического партнерства с Ираном и определенной вовлеченности Тегерана в конфликты на Ближнем Востоке и в Афганистане Вашингтон стремится заручиться поддержкой Тегерана или,

по крайней мере, его нейтрализацией при решении региональных проблем. В ответ политика Ирана как всегда носит осторожный, двойственный характер. С одной стороны, ввиду продолжения конфликта с США, Тегеран проявляет активность в различных региональных объединениях (ШОС, Движение Неприсоединения, ОИК, «Сердце Азии» и др.), способных противостоять нежелательному воздействию со стороны США; с другой, небезуспешно продолжает переговоры с международным сообществом по ядерной программе, что отвечает интересам США.

В то же время попытки администрации Обамы урегулировать сегодня ирано-американские отношения ведут к росту агрессивности в политике регионального соперника Ирана – Королевства Саудовской Аравии (КСА), что способно вызвать очередную серию обострения религиозного экстремизма в ЦА регионе, не в последнюю очередь направляемого и спонсируемого саудитами. В случае успешного завершения с Ираном нынешних переговоров международной группы 5+1 по ядерной проблеме Саудовская Аравия будет, по всем ожиданиям, обречена на снижение своего геополитического и экономического влияния и веса в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии, в рамках ОПЕК. В целях противодействия этому саудовское королевство ищет стратегическое партнерство с государствами Персидского Залива и Израилем. Предположительно саудиты способны также воздействовать на ситуацию в Афганистане через разжигание суннитско-шиитской розни. Развитие подобных тенденций в потенциале дестабилизирует и без того сложную ситуацию в Центральной Азии и могут негативно сказаться на состоянии ирано-узбекских отношений с учетом того, что население Узбекистана в подавляющем большинстве относится к суннитам.

В то же время неудовлетворенность иранской стратегией евроатлантического сообщества и предполагаемые «двойные стандарты» США вновь способствуют процессу сближения Ирана, России и Китая, несмотря на наличие в их отношениях конкурирующих моментов.

Таким образом, налицо два основных вызова текущим ирано-узбекским отношениям: *геополитическое напряжение* в Центральной Азии, принуждающее Ташкент к поиску приемлемого баланса сил в регионе, и *религиозный экстремизм*, частично взаимоувязанный с ирано-американским противостоянием. Очевидно, что перспектива двусторонних отношений во многом будет определяться характером и уровнем воздействия данных факторов.

Объективно в любом из вариантов геополитического развития нельзя исключать родственник Узбекистану Иран, что в интересах экономической и политической безопасности побуждает Узбекистан постепенно интегрироваться в зону евразийской торговой системы. Так, Ташкент ратифицировал в декабре с.г. договор о вступлении в свободную экономическую зону стран СНГ, что расширяет возможности экономического партнерства с Ираном.

Следует также обратить внимание, что партнеры Ирана большей частью являются и партнерами Узбекистана. Заслуживает упоминания в этой связи то, что, не ограничиваясь двусторонними, довольно близкими отношениями с Россией и Китаем, Тегеран стремится в перспективе войти в ряды ШОС. С другой стороны, Тегеран тесно сотрудничает с Дели, в том числе в рамках выгодного для Центральной Азии и Европы проекта ТРАСЕКА. Более того, Иран и другой близкий сосед Узбекистана - Афганистан подписали стратегическое партнерство и официально заявили о начале экспорта товаров из иранского порта Чабахар¹⁵. Параллельно Тегеран предпринимает меры для скорейшей реализации планируемого транспортного коридора Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман-Катар и прокладки ирано-пакистанского трубопровода. Не в малой степени подобными экономическими соображениями и интересами безопасности (саудовский фактор) обусловлено улучшение иранских отношений с Катаром¹⁶. Со своей стороны экономические интересы побуждают европейские страны, не дожидаясь окончательного решения ирано-американской дилеммы, восстанавливать утраченные

связи с Тегераном (Германия, Польша, Швеция, Италия¹⁷).

Таким образом, совершенно объективно, независимо от позиции в данном вопросе Конгресса США, интересы безопасности и экономики способствуют развитию в Центральной Азии многостороннего регионального сотрудничества с участием Ирана. С целью закрепить данные позитивные тенденции Иран официально выступает против насилия в исламском мире¹⁸, чтобы в очередной раз подчеркнуть, что не имеет к угрозе международного экстремизма никакого отношения. Более того, подчеркивает, что Тегеран сам является жертвой наркобизнеса и заинтересован в региональном партнерстве в этом вопросе.

На фоне все более усиливающегося регионального взаимодействия попытки Саудовской Аравии сформировать антииранский блок из государств Персидского залива остаются безрезультатными. Следует учесть и внутривосточные проблемы в Королевстве Саудовской Аравии, ее экономическую зависимость от США, попытки Тегерана прийти к саудитам к какой-либо форме компромисса в зоне общих интересов. В конечном счете, не исключено, что Саудовская Аравия может прийти в этих условиях к консенсусу с иранским руководством.

Что касается Израиля, то и здесь в связи с неизбежно развивающимися про-иранскими тенденциями и отсутствием в США однозначного подхода к Ирану наблюдается тенденция сближения с Россией¹⁹, что может создать предпосылки для возможного в перспективе постепенного урегулирования отношений с Тегераном.

Выводы

Таким образом, объективность развития ирано-узбекских отношений и сама динамика этих взаимоотношений в той или иной степени влияет на региональные процессы во всей Центральной Азии. В частности, ограничение контактов ИРИ и Узбекистана создают

нестабильную геополитическую ситуацию в регионе (до 2005г.), а периоды сотрудничества (начиная с 2005г.), снижают посредством развития экономических проектов уровень негативного воздействия других противоречий (США-Иран и др.). В то же время понятно, что без учета интересов Узбекистана и Ирана, их активного совместного партнерства абсолютно невозможно построить более или менее эффективный механизм региональной безопасности и сотрудничества. Что особенно актуально, принимая во внимание нынешнюю ситуацию в Афганистане.

В свою очередь, как видим, глубина и масштабы взаимоотношений Узбекистана с ИРИ также во многом зависимы от тех барьеров и препятствий, которые устанавливают текущая геополитическая среда в регионе Центральной Азии и собственные интересы этих государств. В случае позитивного урегулирования ирано-американского вопроса отношения Ташкента и Тегерана могут существенно консолидироваться путем вовлечения в новые крупномасштабные энергетические и иные проекты в Центральной Азии.

В случае же затягивания переговорного процесса и периода конфронтации с Ираном не исключены подрывные действия и локальные конфликты с участием и при спонсорстве Саудовской Аравии. В чем ни одна из сторон, включая Вашингтон и Эр-Рияд, по всей видимости, не заинтересованы. В этой связи, скорее всего, ожидается длительный, не лишенный конфликтов, период урегулирования ирано-американских отношений, за которыми, естественно, последует оживление ирано-узбекских отношений в рамках формирующегося евразийского экономического сообщества.

Примечания

1. См., напр.: Хатами Мохаммад. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОС-СПЭН, 2001. С. 46.
2. Подробнее об этом см.: Mohaddessin Mohammad. Islamic Fundamentalism. The New Global Threat. Washington D.C.: Seven Locks Press, 2001. P. 78-81.
3. См.: Кулаи Элахи. Культурное взаимосовершенствование по двум сторонам // Аму-Дарья. Тегеран, зима-весна 2002. № 11. С. 73-87.
4. См.: Caspian Sea Region Country Analysis Brief. December 2004 // <http://www.eia.doe.gov>
5. См.: Mesbahi Mohiaddin. Tajikistan, Iran, and the International Politics of the 'Islamic Factor' // Central Asian Survey. 1997. 16 (2). P. 141-158.
6. См.: Абдулло Р. Таджикистан-Иран: новые перспективы // <http://www.CentrAsia.Ru/newsA.Asia-Plus.14.10.2004>.
7. Джумаев Акмал. Иран и Таджикистан. Две страны, одна нация// <http://central-asia.tj/2013/02/25/iran-i-tadzhikistan-dve-strany-odna-naciya/>, 25.02.2013
8. См.: Ежегодный статистический сборник Комиссии ООН по экономическим и социальным делам Азиатского и Тихоокеанского регионов. Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. 2003. United Nations/Nations UNIES.
9. Посол Ирана в Узбекистане рассказал об отношениях двух стран// <http://www.anons.uz/article/politics/8549/>, 11.02.2013
10. См.: Ширази Хабибулла Абу Хасан. Меры безопасности в Центральной Азии и на Кавказе // Аму-Дарья. Тегеран, осень 2000. № 6. С. 45.
11. См.: Юлдашева Г.И. Ирано-американские отношения на современном этапе и их воздействие на геополитическую ситуацию в Центральной Азии// Изд. «Фан» АН РУз, Ташкент-2006.
12. Экономика Узбекистана. Информационно-аналитический обзор. Январь-Сентябрь 2004 // Центр эффективной экономической политики. Ташкент, декабрь 2004. № 7. С.56,57.
13. Экономика Узбекистана. Информационно-аналитический обзор. Январь-Сентябрь 2005 год. // Центр эффективной экономической политики. Ташкент, декабрь 2006. № 11. С. 55.
14. См. напр.: Узбекистан совместно с УНП реализовывает 7 проектов//<http://12uz.com/#ru/news/show/official/16033/>, 31.12.2013

15. См.: Afghanistan has Officially Started Export of Goods by Chabakhar Port//<http://www.afghanistan.ru/doc/62773.html>, 28.07.2013.
16. См.: Катар готов сотрудничать с Ираном в разработкесторождения «ЮжныйПарс»//http://www.iran.ru/news/economics/91951/Katar_gotov_sotrudnichat_s_Iranom_v_razrabotke_mestorozhdeniya_Yuzhnyy_Pars, 25.12.2013; Иран и Катар проведут совместные военно-морские учения/http://www.iran.ru/news/politics/91982/Iran_i_Katar_provedut_sovmestnye_voenno_morskie_ucheniya, 26.12.2013
17. См.: Германские компании готовы инвестировать иранскую экономику//http://www.iran.ru/news/economics/91946/Germanskie_kompanii_gotovy_investirovat_iranskuu_ekonomiku, 24.12.2013; Два европейских министра иностранных дел посетят Иран//http://www.iran.ru/news/politics/91997/Dva_evropeyskih_ministra_inostrannyh_del_posetyat_Iran, 27.12.2013
18. См.: Иранский аятолла призвал шиитов и суннитов объединиться против терроризма//http://www.iran.ru/news/politics/92033/Iranskiy_ayatolla_prizval_shiitov_i_sunnitov_obedinitnya_protiv_terrorizma, 03.01.2014
19. См.: *ШАМИР И.* О чем говорили Путин и Нетаньяху – сенсация//Комсомольская правда, http://www.iran.ru/news/politics/92002/O_chem_govorili_Putin_i_Netanyahu_sensaciya, 28.12.2013